
Александр Жолковский

ТЯЖЕЛАЯ ПОТЕРЯ

Менее всего я ожидал, что мне доведется писать о Коле Богомолве в этом посмертном жанре. Он был — оставался и теперь навсегда остался — моложе меня. Здоровый, энергичный, он работал не покладая рук, а за водкой охотно вспоминал свою футбольную юность...

Познакомился я с ним довольно поздно, где-то году в 1990-м, когда начал наезжать из Калифорнии в постсоветскую Россию. Повод был забавный. Одна американская коллега, накопировавшая в Москве массу материалов по Серебряному веку, послала их себе в Санта-Монику по почте, но они не дошли — затерялись по вине то ли почты, то ли ее собственной. Поэтому, когда я в очередной раз отправлялся в Москву, она наказала мне найти Богомолва и попросить поделиться с ней имевшимися у него аналогичными материалами. Помню, что мы встретились на Моховой, около Горьковской библиотеки (не знаю, существует ли она еще), он легко согласился помочь — и помог.

Потом мы встречались на Банных чтениях, и помню, как на одном из постконференционных банкетов я и сам обратился к нему за помощью — как специалисту по Кузмину. Я тогда занимался Зоценко, а вопрос о Кузмине возник в связи с упоминанием о нем в «Перед восходом солнца» — в главке «Снова чепуха». Там он фигурирует в роли редактора толстого журнала «Современник», отвергающего рассказы Зоценко как недостаточно серьезные — «шаржи». Такого журнала в 20-е годы не было, я предположил, что, возможно, имелся в виду «Русский Современник», и решил спросить Главного Кузминиста — Богомолва. Коля дал справку: Кузмин к этому журналу причастен не был. Тогда я высказал предположение — и Коля его расценил как вероятное, — что Зоценко, скорее всего, сознательно подменил покойным Кузминым (1872–1936) какое-то иное лицо, упоминание о кото-

ром было бы либо бестактным (например, о Чуковском), либо к 1943 году и вообще невозможным (например, о репрессированном в 1937 году А.К. Воронском или уехавшем за границу Евг. Замятине).

Мы подружились, как-то раз он гостил у нас с Ладой в Санта-Монике (и мы возили его по окрестным музеям, которые он методично посетил все), а мы, приезжая в Москву, были регулярно званы в гости и наслаждались застольем в компании общих друзей (Моники Спивак, Михаила Одесского, Сергея Гандлевского) на прочной основе угощений, приготовленных Колиной женой Наташей, прекрасной переводчицей, кулинаркой и душой этих собраний. Бывало и пито. А просторная университетская квартира на 19-м этаже, с прекрасными видами из окон и книжными стеллажами до потолка (Коля был ненасытным библиофилом) вызывала белую зависть, знаменуя заслуженную признанность ученого.

Когда я писал о мандельштамовской строчке «Да гривенник серебряный в кармане...» и, как обычно, обсуждал свои соображения с коллегами, Коля сказал, что насчет реального гривенника тех времен ему не все ясно. Его слова подтолкнули меня заняться этим вопросом, и ситуация оказалась нетривиальной. Позже я показал ему очередной вариант статьи, он одобрил его и дал ценную ссылку на мемуарный рассказ М.Б. Горнунга, подкреплявший мои находки.

Энциклопедическую ученость и страсть к архивным разысканиям Богомолов сочетал со вкусом к смелым интеллектуальным вылазкам и трезвой научной объективностью.

Скорее не соглашаясь с моими демифологизаторскими работами об Ахматовой, он готов был к рассмотрению проблем ее жизнетворчества. Когда собирался фештшрифт к его 60-летию, я осторожно спросил, как он отнесся к моему докладу об Ахматовой на Лотмановке-2009, вызвавшему острую полемику, и он сказал, что хорошо. Тогда я с легким сердцем подал эту работу в юбилейный том «От Кибирова до Пушкина» (2011) и рад был потом узнать, что Коля остался доволен.

А через пару лет я попросил его провести презентацию сборника моих виньеток на фестивале «Книги России» в июне 2015 года — прямо на Красной площади, в двух шагах от Мавзолея. Он согласился и произнес слегка неожиданную речь. В Предисловии к книжке, имевшей выйти в следующем, 2016 году (Жолковский А.К., Щеглов Ю.К. *Ex ungue leonem*. Детские рассказы Л. Толстого и поэтика вырази-

тельности. М.: НЛО, 2016), я описал этот эпизод в игриво обезличенном ключе:

Недавно <...> на презентации моей книжки мемуарных виныток <...> выступил почтенный и очень уважаемый мной коллега. Его речь была, в соответствии с неписанным ритуалом подобных okazji, выдержана в неизбежно хвалебном ключе, но не лишена эффектных риторических виражей. Говоря на языке приемов выразительности, рассматриваемых в настоящей книге, им было применено ОТКАЗНОЕ ДВИЖЕНИЕ.

Он начал с рассказа о том, с каким недоумением реагировал он в своей филологической молодости на перегруженные <...> формулами мои (и Щеглова) работы 1970-х годов <...> Его недоумение возросло еще больше <...> когда полтора-два десятка лет спустя он стал знакомиться с моими более поздними, вполне осмысленными, на его взгляд, сочинениями. Ему было непонятно, как человек, способный написать нечто литературоведчески приемлемое <...> мог годами заниматься столь скучной и бесплодной структуралистской абракадаброй! Развивая далее свой комплиментарный нарратив, коллега перешел к похвалам <...> моей совершенно уже человеческой мемуарной прозе.

Книжка вышла, была подарена Коле, и через какое-то время я позволил себе поинтересоваться, прочел ли он «Предисловие», узнал ли себя и — случаем — не обиделся ли.

«Конечно, прочел, — был ответ, — конечно, узнал, а на что там обижаться? Если бы я знал, что Вы используете мою речь в этой книжке, я бы добавил, что очень не люблю детские рассказы Толстого».

Последний контакт был совсем незадолго до его смерти. Я занимался разбором песни Окуджавы «Антон Палыч Чехов однажды заметил...» и приводил там забавный рассказ Александра Городницкого о том, как в середине восьмидесятых на концерте авторской песни в Ленинграде один из участников закончил свое выступление песней «Баллада о певчей стае», посвященной Булату Окуджаве и кончавшейся так: «...Летит наш певчий клин, которому названья нету, И впереди вожак, которого зовут Булатом». После чего на сцену вышел Булат Окуджава, предыдущего выступления не слушавший, и спел свою знаменитую песню о дураках: «Дураки любят (sic) собираться в стаю. Впереди главный — во всей красе», чем вызвал большое оживление в зале.

Коля — среди прочего, знаток авторской песни и автор недавней книги о ней — имел, что добавить и по этому поводу:

История Городницкого относится к Ленинграду, а я сам был свидетелем того же самого в Москве, во время концерта 4 октября 1986 года на Малой спортивной арене Лужников. То есть вряд ли можно говорить о *gaffe*, это стало рассчитанной шуткой (электронное письмо Н.А. Богомолова ко мне от 8 сентября 2020 г. — А. Ж.).

Статья вышла (в «Звезде», 2021, №1), я успел посвятить ее памяти Богомолова.

Вот такой он был — серьезный, знающий, щедрый на подсказки, с чувством юмора и собственного достоинства, прямой, молчаливый — взвешивающий каждое слово.

Тяжелая потеря.